

УТВЕРЖДАЮ

Директор ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» (ИМЛИ РАН),

доктор-корреспондент РАН, профессор РАН,
доктор филологических наук

Поздковский Вадим Владимирович

2024 г.

**ОТЗЫВ
ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

**Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук» (ИМЛИ РАН)**

**о диссертации Туляковой Натальи Александровны на тему «Поэтика и
эволюция жанра литературной легенды», представленной на соискание
ученой степени доктора филологических наук
по специальности 5.9.2. — Литературы народов мира (филологические
науки).**

Рецензируемая докторская диссертация «Поэтика и эволюция жанра литературной легенды» посвящена анализу литературной легенды, оформившейся и получившей распространение и ряд трансформаций в литературах Запада в течение XIX века. В настоящее время, когда в значительной степени модифицируются представления о жанровой системе литературы, когда появляются не только новые жанры, но и параллельные жанровые системы для литературы на разных носителях («бумажная» и «цифровая» литература), genre studies оказываются, безусловно, на переднем плане филологической науки. Являясь центральной категорией штудий как филологии, так и иных областей гуманитарного знания, категория жанра продолжает оставаться важной частью исследовательского инструментария. При том, что многие теоретические вопросы жанрологии, в частности, те, что касаются природы и функций жанра, считаются разрешенными, в настоящей области исследования все еще наблюдаются «лакуны», например, вопросы о структуре жанра, о его составляющих, о природе наджанровых образований, а также изучение поэтики и эволюции текстов различных жанров, методов их атрибуции.

Актуальность проведенного исследования определяется тем, что в условиях ревизии представлений о жанре в целом и о жанровой системе или

системах остаются жанровые образования, которые долгое время не привлекали внимания исследователей, пользуясь при этом значительной востребованностью как у писателей, так и у читателей. В частности, таковым и является литературная легенда, которая уже два столетия назад заняла прочное место в системе жанровой номенклатуры Запада и при этом остается недостаточно изученным феноменом малой прозы, о чем справедливо пишет Н.А. Тулякова: «Термин легенда активно используется исследователями при анализе конкретных текстов, однако статус его в науке о литературе четко не обозначен, что особенно очевидно при обращении к литературоведческим словарям. Многочисленные тексты мировой литературы, отнесенные их авторами к жанру легенды в названии или подзаголовке, традиционно исследуются как принадлежащие к более изученным жанрам — рассказу, сказке, притче и пр.» (стр. 5).

Диссертация написана на **материале** западноевропейской, североамериканской и русской традиций (наряду с русскоязычными предлагается анализ англоязычных, франкоязычных, немецкоязычных, испаноязычных текстов, а также произведений на шведском языке). Отметим отдельно, что докторант собрал большое количество произведений на английском языке, ранее не вводившихся в научный обиход, это является большим достоинством работы. Время создания анализируемых текстов ограничивается XIX в.

Структура диссертации логична и не вызывает нареканий. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы.

Введение полностью отвечает всем требованиям, предъявляемым к такому разделу диссертации, в нем последовательно указывается актуальность и новизна исследования, пути осмысления феномена литературной легенды в различных филологических традициях и степень разработанности темы, указаны теоретическая и практическая значимость, прописаны цели, задачи, гипотеза, также сказано, как проходила апробация. Отдельно соискатель останавливается на методологии своей работы, которая совмещает традиции жанрологии и исторической поэтики («Работа выполнена в русле исторической поэтики, так как литературная легенда рассматривается как элемент жанровой системы, жанр, развивавшийся не в изоляции, а в тесной связи с другими жанровыми образованиями», стр. 14). Отталкиваясь от понимания жанра Б.В. Томашевским и М.М. Бахтиным, в процессе исследования докторант обращается к проблеме жанровой атрибуции, применяя теоретические положения на практике, то есть, рассматривая вслед за А. Фаулером (и во многом Л. Витгенштейном) жанровую форму как своего рода сигнальную систему, которая призвана сообщать читателю смысл художественного текста. Такой исследовательский фокус оказывается обогащен методами компаративного и когнитивного жанрового анализа. Н.А. Тулякова формулирует признаки легенды, изучая корпус конкретных текстов, при этом сами тексты, которые докторант относит к жанру литературной легенды, рассматриваются в сопоставлении с иными жанрами малой прозы

(«Настоящее исследование предполагает получение новых для отечественной и зарубежной филологии результатов, а именно более точное выявление дифференциальных признаков литературной легенды в соотношении с другими жанрами малой прозы. Определение ядерных признаков литературной легенды позволит атрибутировать тексты малой прозы с большей степенью достоверности, в том числе при отсутствии авторской жанровой экспликации, а также оценивать точность жанровых определений, данных автором», стр. 14). Избранные методологические подходы адекватны, они показали свою состоятельность в процессе исследования, однако укажем, что при теоретизации вокруг жанра мог бы быть учтен опыт анализа, предложенный Ж.-М. Шеффером (Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр. М., 2010; с послесловием С.Н. Зенкина), который, в том числе, писал о жанровых классах, жанровых именах и характере жанровых референтов.

В первой главе «Признаковое поле литературной легенды и модель жанра», которую можно охарактеризовать как теоретическую, диссертант рассказывает о развитии легенды и ее бытовании в английской, французской, немецкой и русской лингвокультурах, чтобы уточнить семантику слова, объем и изменения его значения в XIX в. Таким образом, формулируется определение слова «легенда» в качестве термина, используемого в работе. Вывод, к которому приходит исследователь убедителен: «Наличие достаточно большого количества стабильных признаков говорит о том, что жанровый идентификатор легенда в названии текста может служить маркером жанра. Выделенные признаки позволяют анализировать обширный корпус художественных текстов с точки зрения их жанровой природы и специфики функционирования литературной легенды в различные периоды национальных литератур» (стр. 126). Здесь, однако, позволим высказать небольшое замечание, касающееся исследовательского фокуса: диссертант ставит целью указать общее в понимании «легенды» в указанных лингвокультурах для того, чтобы прийти к выводу о том, что «легенда» оказывается не просто элементом названия, но жанровым маркером, в связи с чем и оказывается возможным построение жанровой поэтики, однако укажем, что разница в семантике «легенды», скажем, в немецкой и французской культурах огромна. Диссертант справедливо указывает, что «во французской традиции легенда осмысляется прежде всего в рамках историографического дискурса. Она занимает важное место в эстетической оппозиции поэзия — проза и становится понятием, собирательно обозначающим разножанровые произведения фольклора и литературы, которые не подчиняются законам логики, рассудочности, а, наоборот, являются высшим проявлением народной фантазии. Это понимание в сочетании с христианской традицией словоупотребления приводит к формированию легенды как жанра литературы XIX в.» (стр. 59). С этим, безусловно, связано понимание легенды В. Гюго в предисловии к «Кромвелю» как синонима поэзии, вымысла: легенда появляется, что называется, в «зазорах» (лакунах) исторического нарратива как полемика с его конвенциональными схемами, однако неизбежно

оказывается, в итоге, «апокрифом», о чем неоднократно пишет Н.А. Тулякова («Легенда, таким образом, неизбежно апокрифична», стр. 52; «Легендой начинается называться документально неподтвержденный рассказ о действительном историческом событии», стр. 82). В этой связи было бы полезным обратиться к истории такого жанра как исторический анекдот, традиции которого были сложены уже в течение XVIII века, а в XIX веке были воплощены в целом ряде сборников, где фиксировалась в принципе неverified информация, которая оформлялась как свидетельство очевидца (изначально слуги влиятельного лица), а то и откровенный пересказ слухов. Для такого рода текстов оказываются важны как особый статус рассказчика, так и своеобразный «анекдотический пакт» — договор автора и читателя (по аналогии с «автобиографическим пактом» Ф. Лежена), который, как нам думается, весьма схож с «пактом» легенды и отличается от «новеллистического пакта». Исследование такого прагматического аспекта, как нам представляется, могло бы добавить научной основательности рецензируемому исследованию. Кроме этого в значительной степени могло бы быть развито приведенное на стр. 69 справедливое замечание о Новалисе («Новалис говорит о роли легенды, которая должна заменить собой проповедь, обладая большой духовной силой»), которое, как кажется, могло бы привести к анализу примера (экземплум) как возможного истока легенды. Заметим, что об экземплуме в работе совершенно не идет речи, что, как думается нелогично, предполагает ли диссертант возможность исключить его из прародителей литературной легенды? Диссертант сознательно дистанцируется в своем анализе и от «Золотой легенды» Иакова Ворагинского, так, например, на стр. 38 возникает рассуждение «Из европейской культуры заимствуется также представление о религиозной легенде. Успеху легенд о святых способствовала и «Золотая легенда» (The Golden Legend, 1851) Генри Лонгфелло, самого популярного поэта своего времени». Труд Иакова Ворагинского в этом контексте совершенно не упоминается, тем не менее, ссылки на него появляются ниже (стр. 75, 90 и др.). На наш взгляд, здесь логично напрашивается рассуждение о судьбе «Золотой легенды» в условиях западноевропейской культуры XIX века. При этом нуждающимся в прояснении оказывается первое положение, выносимое на защиту («Литературная легенда является самостоятельным жанром литературы XIX в., наследующим традициям агиографической и фольклорной легенды»), на наш взгляд, наследование собственно *агиографической* легенде оказывается в высшей степени спорным.

Вторая глава «Легенда в системе малых жанров второй половины XIX в.» посвящена выделению признаков жанра легенды в текстах европейского, американского и русского писателей (Г. Келлер, Ф. Брет Гарт, Д.Н. Мамин-Сибиряк) и их сравнению «с другими малыми жанрами в творчестве тех же писателей». Отбор указанных авторов, который может показаться случайным непосвященному читателю, оказывается оправданным и логичным для специалиста: в творчестве каждого упомянутого писателя есть как собственно

«легенды», так и созданные в то же время «новеллы», в связи с чем открывается возможность установить, собственно, совокупность поэтических черт, присущих именно легенде, выступающей как антитеза новеллы. Правильность предположений относительно модели жанра легенды, на наш взгляд, была успешно подтверждена на этом конкретном материале («В творчестве представителей трех литератур — немецкоязычной, англоязычной и русскоязычной — литературная легенда является жанром периферийным, дополнительным по отношению к рассказу, новелле, святочному рассказу, от которых она значительно отличается», стр. 265). Высокий уровень проведенного исследования дает возможность наряду с высказанными замечаниями поставить перед соискателем вопросы. Так, докторант подчеркивает, что, с одной стороны, в процессе изучения жанра легенды не рассматривались стихотворные и драматические легенды, поскольку, по мнению докторанта, рассмотрение подобных текстов должно идти в соответствии с иным алгоритмом исследования, однако они принимались во внимание при анализе восприятия понятия легенды в различных лингвокультурах. Какая дополнительная информация о понятии легенды в различных лингвокультурах при этом получена? Можно ли говорить о стихотворной легенде как поджанре, особом жанре? Докторант проводит свое исследование жанра легенды, сопоставляя этот жанр с признаками иных жанров. По мнению докторанта, подобное сопоставление позволяет определить, какие из признаков являются дифференциальными, типичными именно для легенды. Возникает вопрос, по какому принципу выделяются признаки жанров, которые выбраны для сопоставления с жанром легенды. Выделены ли они самой соискательницей или другими исследователями? Отметим также, что, по наблюдениям докторанта, жанр легенды в каждой культуре имеет свои особенности, продиктованные историческим, культурным, религиозным контекстом, однако легенда как жанр светской литературы развивается в одном направлении? Чем объясняется такое единство при разности культур? Не усматривает ли диссертант причины настоящего явления в том, что легенда оказывается жанром *массовой литературы*, в которой формульность значит больше, нежели стремление к мимесису (отдельно заметим, что соотношение легенды с массовой литературой намечено на стр. 62–63, 69, 86 и др., однако развитие настоящая тема не получила)?

Третья глава названа «Жанровые формы литературной легенды в XIX в.», в ней рассматриваются жанровые вариации литературной легенды на материале произведений русскоязычной, немецкоязычной, англоязычной, франкоязычной, испаноязычной, скандинавской литературы. Круг привлекаемых источников очень широк (в т.ч. Н. Готорн, А. Франс, В. Ирвинг, В. Гюго, М. Твен, Ш. де Костер, А. Стриндберг, А.И. Герцен, Н.В. Кукольник, Н.А. Полевой). Исследование корпуса текстов, собранного докторантом, обнаруживает набор жанрообразующих признаков, присущий литературной легенде как жанру. К подобным признакам относятся тип конфликта,

композиция сюжета, топики, хронотоп, установка на достоверность, тип рассказчика, опора на претекст, чудо в качестве одной из центральных категорий, характер главного героя. При этом особенностью литературной легенды является «передача известного, а не нового знания», прочная связь с традицией, хотя рассказчику, как правило, приходится приводить «доказательства ее истинности, которые не могут убедить современного читателя». Использование библейских категорий, апелляция к истории и обращение к фольклорным образам и приемам», которое типично для жанра литературной легенды, реализуется, по наблюдению докторанта, в разных соотношениях. Как устанавливает диссертант, тексты, принадлежащие к жанру литературной легенды, редко публикуются сами по себе, чаще всего они входят в состав полижанровых циклов. Важным теоретическим обобщением настоящей главы является выделение шести основных форм бытования легенды: легенда как индивидуальное произведение, легенда в составе связанного гомогенного цикла, легенда в составе несобранного цикла, легенда в составе разножанрового цикла, легенда как интекст, легенда как крупное прозаическое произведение. К числу несомненных достоинств относится и частные наблюдения, например, о том, как Н.С. Лесков использует этимологически связанное с глаголом «лгать» слово «лыгенда» в «Несмертельном Головане» (1880), примечательно, что в схожей манере И.Г. Гердер использует слово «Lügende» (стр. 327).

Категория «неправды» и «достоверности» очевидно, имеет принципиальное значение для понимания специфического «пакта» легенды, о котором мы говорили выше, а также для описания поэтики жанра. И здесь мы выскажем принципиальное замечание, которое относится не только к настоящей главе, но и к тексту диссертации в целом. Нам представляется, что диссертант часто использует слова «правда», «правдоподобие», «достоверность», игнорируя традицию их понимания в разных лингвокультурах, а также в практиках филологического анализа. Уже на стр. 16 во введении (положение на защиту 7) указывается: «Литературная легенда отличается от смежных жанров (немецкоязычной *Novelle*, англоязычного *short story*, русскоязычного святочного рассказа) рядом признаков, прежде всего типом конфликта, соотношением старого и нового знания, степенью типизации персонажей, характером категории правдоподобия». Что понимается под «правдоподобием» в настоящем контексте? Идет ли речь о «категории» в филологической трактовке, которая восходит к Аристотелю, а также его комментаторам в Новое время, в том числе французским классицистам, понимавшим правдоподобие не как правду, но как описание возможного и вероятного по мнению большинства события или характера? Тем не менее, на стр. 87 сказано: «Олин (имеется в виду В.Н. Олин) комментирует правдоподобие излагаемых событий. Легенда представлена как текст, в подлинности которого автор сомневается, что явствует из таких конструкций, как «носился слух», «будто бы», «не имея никаких неоспоримых доказательств, чтобы утверждать сие народное поверие». Закономерен вопрос,

комментирует ли Олин достоверность (категория внутритекстовая) или все-таки правдоподобие (скорее имеющее отношение к литературной теории?). Неясно, в каком значении употребляется термин «правдоподобие», а также «истинность», «достоверность» и пр. в следующих пассажах: «Кроме того, рассказчик подробно обсуждает правдоподобие легенд в целом, прибегая к самым разным аргументам: свидетельствам, материальным подтверждениям, противоречиям в тексте легенд и т. д.» (стр. 221); «легенда оказывается типом нарратива, в котором вопрос истинности стоит на первом месте, но решен положительно или отрицательно быть не может» (стр. 224), «Сообщая точное время действия, вплоть до даты, называя реальных исторических личностей, рассказчик пытается усилить правдоподобие» (стр. 224), «Нарратор разными способами подчеркивает неправдоподобие легенды, но оставляет возможность для двоякой интерпретации событий» (стр. 229), «Авторское отношение к легенде постоянно балансирует на грани иронии и самоиронии, когда рассказчик доводит свое внимание к правдоподобию текста до полного абсурда» (стр. 354). При этом тождественно ли «правдоподобие» «правдивости» и «достоверности» (ср.: «Правдивость этой истории не раскрывается», стр. 345; «Отношение к правдивости легенды, с другой стороны, выражено при помощи выбора повествовательной инстанции», стр. 349; «Для легенды Гюго типична установка на достоверность, достигаемая, прежде всего, наличием материального свидетельства произошедших событий», стр. 357). Наряду с высказанными замечаниями при прочтении настоящей главы возникают вопросы: каков все-таки состав полижанровых циклов, в которые включаются литературные легенды? Есть ли какие-то закономерности, благодаря которым легенда включается в тот или иной цикл? Что объединяет легенду как литературный жанр с текстами других жанров в полижанровом цикле?

В **Заключении** диссертант формулирует выводы и указывает направления дальнейших исследований. Положения, вынесенные на защиту, обоснованы результатами, полученными в результате исследования. В ходе анализа теоретической проблематики и материала исследования автор демонстрирует широкую филологическую эрудицию, умение профессионально вести научную дискуссию. Сделанные докторантом выводы открывают возможность дальнейших исследований в рамках разрабатываемого автором научного направления — жанровых исследований.

Список литературы включает в себя 612 наименований (из них 277 на иностранных языках).

Научная новизна проведенного исследования состоит в том, что в работе впервые сделана попытка дать определение и очертить границы одного из новых литературных жанров — литературной легенды. На основе анализа репрезентативного корпуса текстов автору докторской диссертации удалось отделить литературную легенду от типа текстов, относящихся к более изученным жанрам, например, от рассказа, сказки, притчи, доказать, что литературная легенда является самостоятельным жанром малой прозы, а не

разновидностью хорошо изученного жанра. Проведенное исследование имеет **теоретическую значимость**, которая заключается в том, что в нем предложена модель интерпретации текстов, относящихся к жанрам малой прозы, в частности к жанру литературной легенды. Несомненен **личный вклад** докторанта, который разрабатывает индуктивный подход к анализу жанра, создает алгоритм последовательного компаративного анализа, который позволяет идентифицировать черты жанра. Кроме того, докторант адаптирует когнитивный метод жанровых исследований, используемый в основном для работы с каноническими жанрами, к жанру Нового времени.

Исследование имеет несомненную **практическую значимость**, которая видится в следующем: 1) алгоритм работы, предложенный в исследовании, может применяться для дальнейшего изучения системы жанров малой прозы, в частности таких жанров, как предание и сказание, а также стихотворной и драматической легенды, что обеспечивает воспроизводимость предложенного автором методического подхода; 2) результаты докторской диссертации Н.А. Туляковой могут быть использованы в вузовском преподавании: при чтении университетских лекционных курсов по теории жанра, по истории мировой литературы XIX в., по компаративистике, жанрологии, в спецкурсах по проблемам атрибуции текстов и методах исследования художественных текстов; 3) данные, полученные докторантом, в процессе исследования, могут быть полезны при написании учебников и учебных пособий по истории мировой литературы, английской и американской литературы XIX вв., по теории литературы, при составлении литературоведческих словарей и энциклопедий.

Рецензируемая работа прошла успешную **апробацию** на зарубежных международных (Минск, Беркли, Йозенсуу, Лунд, Остин, Тарту, Вена, Вулверхэмптон, Дублин, Хельсинки) конференциях, научных и научно-практических конференциях в России (Санкт-Петербург, Калининград, Москва, Осташков), на всероссийских научных и научно-практических конференциях (Санкт-Петербург, Екатеринбург). Ее положения нашли отражения в 68 опубликованных работах, в том числе в 16 статьях из списка журналов, рекомендованного ВАК РФ, из которых 9 являются индексируемыми в международных реферативных базах данных Scopus и/или Web of Science, а также в 5 статьях в зарубежных журналах, включенных в реферативные базы Scopus и Web of Science.

Высказанные выше критические соображения и поставленные вопросы имеют своей целью уточнить трактовку диссертантом некоторых положений работы, однако не умаляют многочисленных достоинств работы и не ставят под сомнение принципиальные выводы и теоретические обобщения, сделанные в ходе исследования. Автореферат и публикации в полной мере отражают результаты проведенного исследования. Представленная к защите работа содержит решение актуальной научной задачи, имеет несомненную научную новизну, теоретическую и практическую значимость и открывает

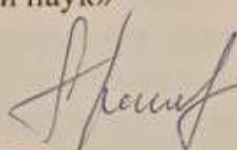
интересные перспективы для дальнейших исследований в области теории жанров.

Диссертация Туляковой Натальи Александровны на тему «Поэтика и эволюция жанра литературной легенды» является самостоятельной научно-квалификационной работой, затрагивающей актуальную проблематику и представляющей теоретически и практически значимые результаты. Диссертация соответствует критериям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.2. — Литературы народов мира (филологические науки).

Отзыв подготовлен ведущим научным сотрудником Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук», доктором филологических наук Марией Равильевной Ненароковой.

Отзыв ведущей организации рассмотрен и утвержден на заседании Отдела Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» 24 сентября 2024 г., протокол № 2024/24.

Заведующий Отделом классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук»
доктор филологических наук
профессор РАН

 Андрей Васильевич Голубков

Подпись заверяю:

СПЕЦИАЛИСТ ОТДЕЛА КАДРОВ
Отдел
ТАРАСЕВИЧ ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА

24 сентября 2024 г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук»

Почтовый адрес: 121069, Москва, ул. Поварская, 25А, стр. 1. E-mail: info@imli.ru Телефон: +7(495)690-50-30